

Колыбельная для брата

Автор:

Владислав Крапивин

Колыбельная для брата

Владислав Петрович Крапивин

К нравственной чистоте, к непримиримости в борьбе за добро и правду призывает эта книга. Рассчитана на средний и старший школьный возраст.

Владислав Крапивин

Колыбельная для брата

Глава 1

Мама разбудила Кирилла в три часа ночи.

В это время он вел «Капитана Гранта» мимо желтого утеса, с которого палила из всех орудий могучая береговая крепость. Перед ее амбразурами вспухали белые дымы, а вокруг судна выросли фонтаны от ядер.

Ядро грохнулось о рубку и разлетелось на зеленые и красные осколки.

– Это арбуз! – весело завопил Митька-Маус. – Арбузами стреляют! – Он высунул из-за рубки кудлатую голову.

– Уберешь ты свою несносную башку? – крикнул Дед.

«А почему не слышно выстрелов?» – подумал Кирилл и услышал:

– Кирюша, встань. Встань, помоги, пожалуйста. Может быть, у тебя он скорее уснет...

Еще не расставшись с веселым сном, Кирилл уже слышал, как за стеной вопит Антошка. «Ну, дает», – подумал Кирилл. Потряс головой, взглянул на маму и опустил с кровати ноги.

Мама виновато сказала:

– Не могу успокоить. Может быть, укачаешь его своим хитрым способом?

Кирилл снова тряхнул головой, разгоняя остатки разорванного сна: они, будто обрывки тумана, плавали вокруг. И Дед с Митькой словно все еще были здесь.

Антошка после нескольких секунд перерыва завопил с новой силой. Кирилл откинул одеяло и побрел в соседнюю комнату.

Спеленутый Антошка лежал в своей решетчатой кровати и орал вдохновенно и старательно. Что-что, а реветь этот человек умел и любил. Маленькое красное лицо его было сморщено, глаза крепко зажмурены, а беззубый рот открыт до отказа.

Нельзя сказать, что в такие минуты Кирилл ощущал нежную любовь к братцу. Но ни досады, ни злости он не чувствовал. Не то что два месяца назад. Тогда у Кирилла при Антошкином реве просто зубы стискивались. От беспомощности и отчаяния он сам готов был зареветь.

Однажды, когда мама ушла на рынок, а месячный Антошка проснулся и никак-никак не хотел успокаиваться, не затихал ни на руках, ни в кроватке, Кирилл замычал и швырнул ему в лицо скомканную пеленку. Антошка на секунду притих, а потом закричал еще громче. И такая обида почудилась Кириллу в этом крике, что он тут же назвал себя последним гадом, вделал себе кулаком по уху, опять схватил Антошку и начал у него, бестолкового и отчаянно орущего, шепотом просить прощения. А потом, не зная уже, что придумать, запел изо всех сил:

Дайте в руки мне гармонь -

Золотые планки.

И Антошка постепенно умолк. Успокоился кроха. А Кирилл, ласково и осторожно прижимая братишку, носил и носил его по комнате и все пел.

В тот день было сделано открытие: лучше всего Антошка успокаивается под песни старшего брата. Мамины песни - тоже ничего, но действуют они когда как. А стоит запеть Кириллу - и горластый братец притихает. Ведь, казалось бы, совсем несмышлениш, а что-то чувствует, знает голос Кирилла. Он и песни стал различать, когда сделался постарше: одни просто слушал, под другие начинал дремать. А после большого рева успокоить и заставить уснуть его можно только одной песней. Совсем непохожей на колыбельную...

- Ну, чего трубишь? - сказал Кирилл. - Давай иди сюда. У, рева... Кто обидел Антошку? Что-нибудь страшное приснилось? Что в школу повели? Не бойся, еще не скоро... Мама, помоги его взять...

Антошка выдал новый вопль. Кирилл прижал его к груди, покачал, шагая из угла в угол, и запел про опаленные солнцем спящие курганы и про туманы, которые ходят чередой.

Антошкин крик стал потише, и в нем слышались вопросительные интонации. А к концу песни братец совсем затих. Но не спал, таращил глаза. Тогда Кирилл решительно спел музыкальное вступление и начал главную песню с последнего куплета:

Раскатилось и грохнуло

Над лесами горящими,

Только это, товарищи,

Не стрельба и не гром...

На третьем куплете Антошка засопел, словно убедившись, что ничего не страшно с братом, у которого есть такая суровая и непримиримая песня.

Кирилл с мамой уложили его в кроватку. Он спал так, будто и не плакал отчаянно десять минут назад. Улыбался какому-то своему крошечному сну. Светлые волосенки смешно топорщились. Сейчас он был милый, самый дорогой на свете Антошка...

Мама тронула губами макушку Кирилла.

- Спасибо, Кирик. Ложись, спи. Я еще посижу чуточку и тоже...

Но Кирилл вдруг понял, что не хочет спать.

- Мама, я такой голодный почему-то. Я чего-нибудь пожую?.. Ты не ходи, я сам.

На кухне он отрезал кусок от батона, отыскал в холодильнике банку с зеленым горошком. Насыпал горох на хлеб и вернулся в мамину комнату. Мама сидела у Антошкиной кровати.

- Ты чего не ложишься? - спросил Кирилл.

- Подожду немного. Вдруг он опять проснется.

- Я ему проснусь! - сказал Кирилл. Забрался с ногами на мамину постель и стал жевать, подбирая с одеяла упавшие горошины. Мама смотрела на него с непонятной улыбкой: то ли печальной, то ли наоборот - счастливой.

- Ох и худой же ты стал! И коричневый. Как индийский йог.

Кирилл сказал с набитым ртом:

- Непохоже. У индусов волосы черные, а у меня...

Мама села рядом и запустила ему в волосы теплые тонкие пальцы.

- А у тебя косматые. Когда подстрижешься?

– Лучше ты сама подровняй, а то в парикмахерской оболванят, как репку. У них со школой тайный сговор... Буду опять лопухастыми ушами махать.

Мама засмеялась:

– Ну, сколько лет подряд можно вбивать себе в голову эту чепуху? У тебя нормальные уши, даже симпатичные.

– У слонов тоже симпатичные.

Мама обняла Кирилла за плечи, качнула туда-сюда (он опять просыпал несколько горошин) и вздохнула:

– Ох, в самом деле, до чего же костлявый...

– Зато закаленный, – заметил Кирилл.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – торопливо сказала мама. – Не говори зря.

Она была немного суеверна. Видимо, все мамы немножко суеверны, когда дело касается сыновей.

– Ничего не «тьфу», – возразил Кирилл. – Ты летом переживала, а я даже ни разу не чихнул.

Все лето Кирилл проходил в майке, шортах и босиком. Только если шел в кино или библиотеку, надевал рубашку и сандалеты. Но это случалось не чаще одного раза в неделю. Дед сказал в конце весны, что в парусном деле нужны закаленные люди, и Кирилл закалялся добросовестно.

Мама сначала боялась. Говорила, что во всем надо знать меру, иначе можно и посреди теплого лета схватить воспаление легких. Вспоминала, как болел Кирилл два года назад. Кроме того, она утверждала, что ходить всюду босиком неприлично. На это Кирилл ответил однажды, что половина людей на Земле всю жизнь ходит босиком.

– Где это?

– В Индии, в Африке, на островах всяких... Если посчитать, знаешь сколько наберется!

– Но это же в тропиках!

– А здесь чем не тропики?

Лето выдалось сухое и жаркое. Ветер иногда приносил тонкий дым, который пощипывал глаза. Солнце делалось неярким и круглым – без лучей. Это горели где-то леса и торф.

В те дни, когда не было дымки, солнце палило, как в Аравийской пустыне. К середине июня с плеч у Кирилла слезли три слоя сгоревшей кожи, и наконец загар стал прочным, как броня. Волосы выгорели добела. Самому Кириллу иногда казалось, что у него даже кости прокалены солнцем...

Мама наконец махнула рукой. У нее хватало забот с Антошкой, который родился в конце мая.

– Дед говорит, что я похож на негатив, – сказал Кирилл. – Волосы бесцветные, шкура темная. Хоть печатай наоборот.

– Почему вы зовете его Дедом? – спросила мама. – Дед да Дед, только и слышишь. Неужели он не обижается? Ему же двадцать четыре года.

– А чего ему обижаться? Он привык. Это из-за Митьки.

– Из-за какого Митьки?

– Ну, помнишь, прибегал такой курчавый? Это его внук.

– Какой внук? Бог с тобой...

Кирилл засмеялся:

- Да правда внук, только двоюродный. У Деда племянница есть, а она его старше. Так ведь бывает. А Митька - ее сын. Вот и посчитай.

- В самом деле, - сказала мама. - Забавно... Ну, если точно говорить, это называется «внучатый племянник».

- Ну а он тогда «дедистый дядя». Или «дедовый». Все равно - Дед.

- А я думала, это его братишка. Они так похожи...

- Только с виду. Митька знаешь какой сахар! И привидений боится. Вечером дома ни за что один не сидит. Дед с ним замучился.

- Почему же он с ним мучается? Где у этого Митьки родители? Они живы?

- Конечно. Только они геологи, в экспедиции ездят.

- Бедный ребенок... Все время ездят?

- Не все время, но часто...

Мама вздохнула.

- Вот и папа наш тоже ездит...

- Еще пять дней, - утешил Кирилл. - Протянем.

- Протянем, - согласилась мама. - Ты у меня герой... А в школе как? Все в порядке?

- Вроде... Чего это ты среди ночи про школу вспомнила?

- Ты сам вспомнил. Все проезжался сейчас насчет школы.

- Это я так. У меня переходный возраст, я над всем и-ро-ни-зи-рую.

Мама опять взлохматила ему волосы.

– Ну, беги спать.

– Угу...

Кирилл пошел к себе и завалился в постель, надеясь увидеть продолжение сна. Но ничего он не увидел. А проснулся уже утром от шумных голосов: неожиданно вернулся из Риги отец.

Отец весело рассказывал, как пустился на хитрость: позвонил на завод, попросил прислать телеграмму, что срочно нужен на производстве. Потому что, в самом деле, на заводе масса дел, а совещание занудное и организовано бестолково: не столько говорят о деле, сколько осматривают достопримечательности...

Кирилл выскочил в большую комнату и облапил отца за круглый живот.

– Папа! Сбежал, да? Вот молодец!

Отец ухватил Кирилла под мышки, слегка приподнял.

– Эх, не подкинуть уже. Больно длинен... Я тебе подарок привез.

Подарок был что надо! Алая майка с крутобокими маленькими каравеллами и галеонами, разбежавшимися по плечам, спине и коротеньким рукавам. На груди у майки была напечатана старинная карта полушарий с пальмами, китами, индейцами и средневековыми городами. Хоть вешай на стену и любуйся.

– Ух ты! – восхищенно сказал Кирилл. – Урок истории и географии! Вот бы в школу в такой заявиться!

Но в школу надо было идти в форме. Несмотря на жару. В других школах было не так строго: разрешалось ходить без курток, но там, где учился Кирилл, появилась новая директорша и завела железный порядок. Это была дама крупных размеров, с громким голосом и суровым нравом, хотя порой хотела казаться добродушной. С первого дня она получила от старшеклассников

прозвище Мать-генеральша...

До школы Кирилл нес куртку под мышкой. Хотя шла вторая неделя учебного года, стояло еще полное лето. Лишь клены кое-где пожелтели, но они начинают желтеть уже в августе.

В квартале от школы Кирилл догнал длинного Климова и хлопнул его курткой по спине.

– Привет, сказал Климов. Не дерись, будь воспитанным ребёнком хотя бы перед лицом учителей.

– Кого?

– Вон Вера Сергеевна идёт.

– Она же спиной к нам, а не лицом, – рассудил Кирилл. – Давай догоним.

Они с двух сторон обогнали невысокую седоватую математичку и разом сказали:

– Здравствуйте, Вера Сергеевна!

– Здравствуйте... А, Векшин и Климов!

– Дайте, я ваш портфель понесу, – сказал Климов.

– Буду весьма благодарна.

– Ого, весу-то... Наверно, наши тетрадки?

– Ваши... Но лично вашей тетради, Климов, я не нашла и крайне этим озадачена. Вы не сдали работу?

– Увы, – сказал длинный Климов.

- Почему же? Я не верю, что вы не сумели решить.
- Я и не пытался, Вера Сергеевна, вздохнул Климов. - Совершенно не о том были мысли.
- Если не секрет, о чём же они были?
- Не секрет, но трудно объяснить... Кажется, о смысле жизни.
- Ну и... отыскивали смысл?
- Увы, - опять сказал Климов. - И от огорченья подумал: пускай уж лучше двойка.
- Жаль, - сказала Вера Сергеевна.
- Ничего, я до конца четверти исправлю.
- Жаль, что не доискались до смысла жизни. А ставить двойку я вам не собираюсь. Даже не имею права.
- Почему? - искренне удивился Климов.
- По ряду причин. Самая простая та, что эта работа была внеплановая, сверх программы, я её дала вам для проверки. Так что ставить двойки я не могу... Хорошие оценки - другое дело. Вот, например, как пятёрка Векшина...
- Ой, правда?! - возликовал Кирилл.
- Разумеется. А почему вы удивляетесь?
- Можно подумать, у меня каждый день пятёрки по математике, - засмеялся Кирилл.
- Это зависит от вас... У вас хорошие аналитические способности, но не всегда хватает дисциплины в работе... А вот Климов меня весьма огорчил.

- Я не способен к математике, - сказал Климов.

- Вы же в прошлом году участвовали в районной математической олимпиаде!

- Да. А сейчас я эту науку разлюбил.

- Тем более я не могу ставить вам двойку. Потому что не сумела воспитать в вас прочную любовь к своему предмету, - усмехнулась Вера Сергеевна. - Здесь двойку заслужила скорее я.

- Это вы шутите, - сумрачно сказал Климов.

- Не совсем... А вы в свою очередь не совсем серьёзны.

- Почему же...

- Потому что нельзя разлюбить науку, которую вы ещё не знаете. Ваши некоторые успехи в прошлом году настроили вас бодро, а столкнувшись со сложностями, вы разочаровались...

- Ну, да... Но это лишь одна из причин.

- Возможно. Боюсь только, что не самая малая... Я вспоминаю своего старого преподавателя французского языка. Это было, естественно, во времена, которые кажутся вам доисторическими. Так вот, я ему как-то сказала, что терпеть не могу «этот ужасный французский». Он засмеялся: «Голубушка, вы сначала выучите его, а потом решайте. Чтобы любить или ненавидеть какой-либо предмет, надо его знать...» Потом, когда я читала в подлиннике Стендаля, я уже не испытывала ненависти к французскому...

- Стендаль - это хорошо, - сказал Климов. - Но диссертации по математике никто не читает как романы.

- Разумеется. Но математика помогает постигать жизнь не менее, чем это делает искусство... А жизнь у вас, Климов, к счастью, впереди.

– Вера Сергеевна, – с чувством сказал Климов. – Следующую работу я обязательно сдам.

– Вы меня очень обяжете. Тем более, что это будет уже плановая контрольная.

– Я не ради оценки. Я и на олимпиаду пойду, так и быть.

– «Так и быть» не надо. Раз вы разочаровались в математике...

– Я не ради математики. Я ради вас, – брякнул Климов.

Вера Сергеевна подняла брови.

– Да? Стоит ли?.. Впрочем, для начала можно и так... Ну, мы пришли, дайте портфель. Спасибо.

Когда Вера Сергеевна исчезла в дверях, Кирилл засмеялся:

– Ты чуть в любви ей не объяснился.

– Шутки шутками, а она отличная тётка.

– Давно знаю, – сказал Кирилл.

– Давно или сегодня, когда про пятёрку узнал? – добродушно подцепил его Климов.

– Не в отметках дело, сам говорил... А ты, правда, почему не сдал работу?

– Правда – мысли были не о том.

– А о чём? Неужели о смысле ?

– Ага... И о Маргарите Сенокосовой из седьмого "А".

- Ну, ты даёшь, - только и сказал Кирилл.

- Тебе не понять. Судя по всему, в тебя ещё не попадали стрелы Амура.

- Упаси господи, - засмеялся Кирилл. - И без того забот хватает.

Глава 2

Вернуть в класс успели почти всех. Не хватало человек семи, но это не имело значения: виновники были на месте.

Седьмой "В" сдержанно возмущался. Возмущаться громко не решались, потому что в дверях, сложив руки на могучей груди, стояла директор Анна Викторовна.

- Пятница - тяжелый день, - сказал длинный Климов, устраиваясь на задней парте.

Ева Петровна хлопнула о стол первым томом «Графа Монте-Кристо», который отобрала на предпоследнем уроке у рыжего круглолицего Витьки Быкова по прозвищу Кубышкин.

- Книга-то не моя! - сказал Кубышкин, и все привычно засмеялись. Считалось, что Кубышкин говорит только смешное.

- Тихо! Все сели по местам! Прекратить разговоры!.. Анна Викторовна, вы сами скажете?

- Говорите вы, - величественно разрешила директор.

Ева Петровна скорбно кивнула и оглядела притихшие ряды.

- Конечно, - произнесла она, - я ни дня больше не останусь у вас руководителем. Но прежде чем уйти, я должна разобраться в этом позорнейшем происшествии. Это мой долг.

Девчонки торопливо зашущукались. Они считали своей обязанностью уговаривать Еву Петровну не бросать их, когда она в очередной раз заявляла об отставке.

Сейчас, однако, Ева Петровна не стала слушать жалобных уверений в любви и преданности. Она еще раз подвергла испытанию на прочность несчастного «Графа» и потребовала:

– Встаньте, кто был задержан в гардеробной преподавателей.

Четверо встали. Куда деваться-то? Все равно портфели отобрали.

– Та-ак... – сказала Ева Петровна. Она покивала, взялась двумя руками за худой подбородок и обвела стоявших укоризненно-проницательным взглядом. Трое опустили глаза.

– Ну так что, Векшин, – произнесла Ева Петровна почти доброжелательно. – Может быть, признаться сразу? Пока есть время исправить ошибку...

– В чем признаться? – спросил Кирилл и подумал, что у Евы Петровны глаза странного цвета: как пыльная трава.

– Ты не знаешь, в чем?

– Не знаю, – честно сказал Кирилл.

– Ну, хорошо... Что вы делали в учительской раздевалке?

Кирилл улыбнулся. Чуть-чуть. Даже досада его сразу прошла. В самом деле смешно: признаваться в том, что все знают.

– Мы прятались от завуча Нины Васильевны, – сказал он.

Элька Мякишева и Нинка Родина вопросительно хихикнули и посмотрели на классную руководительницу. Она, однако, на них не взглянула. И сухо поинтересовалась:

– Зачем же прятались?

– Она загоняла нас в хор.

Анна Викторовна колыхнулась у дверей.

– Что значит «загоняла»? Ты соображаешь, что говоришь?

Кирилл опять ощутил едкую досаду.

– Соображаю, – сказал он. – Она стояла у выхода с учителем пения, хватала всех и отбирала дневники, если кто записан в хоре и не хочет идти.

– И вы решили обмануть завуча и учителя, – словно подводя итог, произнесла Ева Петровна.

Кирилл пожал плечами.

– Странно, что ты не хочешь ходить на занятия, – мягко сказала Ева Петровна. – Почему? Ты же любишь петь.

– Я не люблю, когда меня заставляют. Хор – это не уроки. Это добровольное дело.

Анна Викторовна колыхнулась у двери.

– Добровольное для тех, у кого сознательная дисциплина. А для тех, кто не дорос до нее, мы применяем добровольно-обязательный метод.

– Как у кошки с воробьем, – сказал с задней парты Климов.

– Что-что? – Анна Викторовна устремила в глубину класса настороженный взгляд. – Ну-ка объясни.

Климов охотно объяснил:

– Кошка поймала воробья и говорит: «С чем тебя есть? С уксусом или сметаной? Выбирай добровольно...»

– Ну-ка поднимись, юморист, – потребовала Анна Викторовна.

Климов поднялся, и все засмеялись. Если он вставал, всегда возникало веселье: такая мачта вырастала над партой.

– Как его фамилия? – обратилась директорша к Еве Петровне.

– Климов, – сказала та. И в голосе ее слышалось: «Это всем известный Климов, который может лишь паясничать и ни на что серьезное не способен».

– Завтра ко мне с отцом, – распорядилась Анна Викторовна.

Класс притих. Отец Климова в прошлом году разбился в автомобиле. Климов слегка побледнел, но ответил прежним тоном:

– Никак невозможно. Отца нет.

– В таком случае с матерью, – не дрогнув, потребовала Анна Викторовна.

– Тоже невозможно. Она в командировке.

– С кем же ты живешь?

– С бабушкой, – вздохнул Климов.

– Вот и прекрасно...

– А бабушке восемьдесят два года, – поспешно предупредил Климов. – Она уже не боится директоров.

– И ты, видимо, тоже? – язвительно поинтересовалась Анна Викторовна.

Климов сокрушенно покивал:

– Мама говорит: я весь в бабушку.

– «Неуд» по поведению за всю неделю, – распорядилась директор. – Ева Петровна, не забудьте.

Та покачала головой и укоризненно посмотрела на Климова: «Вот, видишь, достукался. Жаль, но сам виноват».

Раздался звонок с шестого урока. Анна Викторовна досадливо поморщилась.

– Ева Петровна, у меня совещание. Разберитесь сами. Особенно с этим... – Она посмотрела на Кирилла. – Как его фамилия?

– Векшин... И знаете, Анна Викторовна, он все годы был вполне нормальным учеником. Не могу понять, когда у него это началось...

– Наверное, когда начал сооружать свою прическу, – заметила директорша. – Ишь, отрастил, ушей не видать! Чтобы сегодня же остриг свои космы!

– Не космы, а волосы, – негромко сказал Кирилл. – Все так носят. У других еще длиннее...

– Будем рассуждать? Ева Петровна, завтра в школу с такой прической не пускать!.. А впрочем... – Она словно спохватилась. – Там, где он скоро окажется, его остригут как надо.

С этими словами Анна Викторовна покинула класс.

Все шумно встали и сели.

– Коробов, Самойлов, Сушко, Векшин! Я вам садиться не разрешала!

– Ноги, что ли, железные? – пробурчал Валерка Самойлов.

– Ноги?! – неожиданно воскликнула Ева Петровна. – А мои нервы? Они железные? На что я потратила два года?! Такой позор! Пятно на всю школу!

Ребята запереглядывались. Бегство с репетиций хора было делом обычным. Какое тут пятно?

– А что случилось, Ева Петровна? – преданным голосом спросила Элька Мякишева.

Ева Петровна медленно обвела глазами класс.

– Что случилось? То, что в учительском гардеробе, где укрывались наши «любители свободы», у студентки-практикантки исчез кошелек со стипендией.

Девчонки охнули.

Интересно, что Кирилл ничего не почувствовал: ни обиды, ни страха, ни растерянности. В первую секунду просто подумал: «Вот так история!» Потом ему стало смешно. Он сказал со смехом:

– Вот это да! Значит, мы воры?

– Ты напрасно веселишься. И напрасно говоришь во множественном числе. Имей в виду: ты единственный, кто не стал показывать дежурному учителю свои карманы.

Вся обида и вся злость снова прихлынули к Кириллу.

– Какое он имеет право обыскивать? Еще портфель отобрал!

– Александр Викентьевич не отбирал, а потребовал отдать.

– А я не отдал! Тогда он вырвал! Да еще в карманы полез!

– Ты считаешь, что только вам позволено лазить по чужим карманам? – в упор спросила Ева Петровна.

Кирилл сжал зубы. Сперва захотелось завопить от бешенства. А потом по привычке защекотало в горле. «Зеленый павиан Джимми, – торопливо подумал

Кирилл. – Где ты, миленький? Помоги».

В это время Валерка Самойлов громко сказал:

– Да ничего он не брал. И мы не брали! Зачем зря-то...

– Про вас я пока не говорю. Сейчас разговор о Векшине. Кстати, залезть в карман можно незаметно...

Кирилл мысленно улыбнулся зеленому павиану: «Спасибо, что помог». Еще сипловато, но уже твердо он сказал:

– Я, пожалуй, сяду. Не обязательно стоять, чтобы слушать оскорбления.

– Сядь, – скучным голосом ответила Ева Петровна. – Школьные правила не для тебя. Но сидя или стоя, а отвечать за свои дела придется.

Кирилл сел и стал смотреть в окно.

– Он сидит, а мы стоим, – высказался в пространство Серега Коробов.

– Что ж, садитесь и вы... Позор! Были гордостью школы, лучший тимуровский отряд, правофланговый! Должны помогать людям, а вы... Девушка первый раз пришла на практику, и сразу ей такой сюрприз! Вы знаете, что такое для студентки стипендия? Она должна целый месяц жить на эти сорок рублей!.. Если бы вы видели, как она плакала в учительской...

«А правда, неужели нашелся такой гад и украл? – подумал Кирилл. – А может быть, сама потеряла?»

Он хотел уже высказать эту мысль, но сдержался. Получится, будто он оправдывается.

И вдруг заговорил маленький Кубышкин:

– А Сан Викентич как успел узнать, что кошелек украли? Он же внизу дежурил, а не в учительской.

В классе опять на всякий случай засмеялись.

– Он ничего и не знал! – сердито разъяснила Ева Петровна. – Он просто задержал нарушителей, которые были там, где им не положено быть. И оказалось, что не зря. Через несколько минут стало известно про кошелек.

– Если не знал, зачем полез с обыском? – хмуро спросил Кирилл.

– Не полез, а попросил показать карманы. Потому что были уже грустные случаи, когда пропадали деньги и вещи. И никто не может терпеть, чтобы этот позор продолжался!

– Пусть отдаст портфель, – упрямо сказал Кирилл. – Никто не имеет права отбирать чужие вещи.

– Я и не отбирала. Разбирайся с Александром Викентьевичем. Найди после собрания и разговаривай.

– Он отобрал, а я должен за ним ходить?

Ева Петровна утомленно села за стол.

– Это старый трюк, – печально сказала она. – За наглым поведением прятать свою вину.

«Вину...» – повторил про себя Кирилл. И до него наконец дошло. Дошло полностью, что все это всерьез. Абсолютно всерьез.

Он взялся за парту, встать хотел, но не встал, а только в упор глянул на Еву Петровну.

– Значит, вы в самом деле думаете, что я вор?

Она отвела глаза. Но сказала:

- Ты сам заставляешь думать так. Твое поведение... Существует логика. Понимаешь, ло-ги-ка. Законы здравых рассуждений. Суди сам: кроме вас, там никого не было. Карманы показывать ты не стал. Значит, испугался?

- Не испугался, а противно.

- Ах, противно... Другие могут, а у тебя тонкое воспитание.

В классе опять кто-то захихикал. Но Валерка Самойлов сказал:

- Я бы тоже не дал, но растерялся.

- Помолчи!

- Пусть отдадут портфель, - бесцветным голосом повторил Кирилл.

- Ты как попугай! Я сказала: объясняйся с Александром Викентьевичем. Без объяснений он все равно не пустит тебя на свои уроки.

- Пусть, - сказал Кирилл. Александр Викентьевич преподавал семиклассникам черчение, которое Кирилл всем сердцем невзлюбил с первого дня.

- Не имеет права не пускать, - сказал Климов. - У нас всеобуч.

- Права-то вы знаете, а вот обязанности...

И Ева Петровна принялась подробно объяснять про обязанности школьников, которые неразрывно связаны с правами. Получалось, что обязанностей две: хорошо учиться и беспрекословно слушаться старших. Права были те же самые: учиться и слушаться.

У Евы Петровны было худое лицо, морщинистое, но не старое. На лице странным образом смешивались утомленная разочарованность и энергия. Так было всегда. Ева Петровна словно давала понять: «Я знаю, как мало меня ценят, как

неблагодарны дети, но свой долг я буду выполнять до конца, изо всех сил и без жалоб». И она выполняла. Классным руководителем она стала, когда ребята были пятиклассниками. До этого, в четвертом классе, сменилось три руководителя. Тринадцать мальчишек и двадцать четыре девочки представляли собой, по словам завуча Нины Васильевны, «развинченную толпу». Ева Петровна заявила, что не потерпит анархии, и если уж она берется за дело, то создаст из этой толпы здоровый пионерский коллектив.

За год она добилась, что отряд стал считаться передовым. Сама составляла планы тимуровского шефства над окрестными пенсионерами, руководила репетициями смотров строя и песни, ревностно следила, чтобы все выполняли нормы сбора макулатуры. Нерадивых обсуждали на собраниях, которые назывались пионерскими. Ева Петровна говорила, что все вопросы должны обсуждаться коллективом и от коллектива ничего нельзя скрывать.

Фамилия у Евы Петровны была Красовская, поэтому, когда класс еще не был передовым, ей придумали прозвище Евица-красавица. Потом прозвище забылось, но время от времени отдельные несознательные и нетипичные личности, вроде Климова, вспоминали его. Вот и сейчас Кирилл слышал, как длинный Климов сзади почти беззвучно напевает на мотив хора из «Евгения Онегина»:

Евица-красавица, душенька-подруженька,

Отпусти нас, милая, ты домой голодненьких...

Есть в самом деле хотелось, сидели без обеда. Столовая в первые дни учебного года не работала, а в буфете была такая толкучка, что лучше и не соваться. Кирилл, правда, попробовал на предпоследней перемене, но раздумал и отдал двадцать копеек Петьке Чиркову, который признался, что вот-вот помрет от голода...

– А зачем сидим? – вдруг спросил Климов.

– Ждем, – сообщила Ева Петровна. – Ждем, когда кто-нибудь из этих четверых признается или расскажет, как было дело.

– А если не признается?

- Тогда... очевидно, придется вызывать милицию.

- Так давайте вызывать, - предложил Кирилл.

- Правильно, - поддержал Кубышкин. - А то кушать хочется.

- Тебе полезно похудеть, - сказала Ева Петровна и опять заговорила о пятне, которое легло на тимуровский правофланговый отряд и школу. Потом подняла Женьку Черепанову и велела высказать свое мнение. Женька была бессменная председательница совета отряда. Она встала и начала говорить, что те, кто совершил этот безобразный поступок, опозорили класс и должны признаться, если они еще хоть капельку дорожат званием пионера. А если Кирилл Векшин ни в чем не виноват, то ему надо вести себя не так, а воспитанно...

Кирилл смотрел на Черепанову без всякой злости. Женька говорила те самые слова, которые принято говорить на собраниях, когда кого-нибудь обсуждают.

Женька была красивая, и Кирилл смотрел на нее с удовольствием. Он не испытывал к Черепановой никаких чувств, но глядеть на нее было приятно: как на красивую открытку или статуэтку. Почти все девчонки за лето вымахали в высоту, стали больше мальчишек (Кубышкин презрительно сказал: «Во, лошади. Теперь им на танцах десятиклассников подавай»), а Женька осталась прежней. Она была невысокая, стройненькая, с мальчишечьей русой прической и длинными серыми глазами.

-...А Векшин вообще всех нас удивляет. Это кошмар какой-то, - закончила Черепанова свою речь и бросила на Кирилла очень осуждающий взгляд.

- Дура, - полушепотом сказал Кирилл.

- Сам, - так же ответила Женька.

Кирилл перестал слушать и повернулся к окну.

По другой стороне улицы брела послушная вереница детсадовских малышек в пестрых маечках и трусиках, в белых панамках. Впереди шла одна воспитательница, позади другая. Ребятишки - наверное, младшая группа.

Трехлетние пацанята.

Кирилл подумал, что он будет в десятом классе, когда Антошка станет вон таким. И, как всегда при мысли об Антошке, толкнулась в нем упругая теплая радость.

Что бы ни случилось, какие бы горести ни подкараулили Кирилла, все равно есть у него братишка. Круглощекий, улыбчивый, славный Антошка...

Конечно, бывает всякое: иногда почитать хочется, а он вопит; надо бежать к Деду, готовить паруса, а ты отправляешься в молочную кухню за Антошкиным обедом... Но, боже мой, как все-таки здорово, что он есть на свете – настоящий родной братик! Как он смотрит на Кирилла, как слушает песни...

А между прочим, на кухню и сегодня надо бежать. И скоро... Кирилл встал и взглянул на большие часы за окном – они висели на столбе у сквера.

– Что, Векшин? Ты все-таки решил признаться? – спросила Ева Петровна почти благосклонно.

– В чем? – удивился Кирилл.

– Что значит «в чем»? В том... что я сказала: «Пусть встанет тот, кто виноват».

– Извините, я не слышал, – холодно сказал Кирилл.

– А, ну конечно! Слова классного руководителя для тебя пустой звук. Тогда с какой стати ты поднялся?

– Чтобы на часы взглянуть, вон там на улице.

– Смотреть на часы бесполезно, – сообщила Ева Петровна уже не Кириллу, а классу. – Сидеть будем, пока не выясним.

– Я сидеть не буду, – спокойно сказал Кирилл. Он и в самом деле был сейчас спокоен. Только глубоко внутри дрожала тугими струнками сдержанная злость. Уже не обида, а просто злость.

- Бу-удешь, голубчик...

- Не буду. Мне в молочную кухню надо идти за питанием для брата. Его в четыре часа кормить полагается.

- Ты опять лжешь, - утомленно произнесла Ева Петровна. - Если бы ты ходил в эту кухню, мама дала бы тебе записку и тебя бы никто не стал задерживать на репетициях. А ты прятался, чтобы не ходить на хор.

- Потому что дело не в кухне. На хор я бы и так не пошел.

- Из ложного принципа и глупого упрямства.

- Мне надо идти, - сказал Кирилл. - Серега, выпусти.

Серега Коробов выбрался из-за парты, освобождая проход. Класс наблюдал за Кириллом с молчаливым интересом. Кирилл пошел к двери.

- Какой нахальный! - громким шепотом сказала Элька Мякишева.

Ева Петровна встала у порога.

- Имей в виду, Векшин, если ты попытаешься уйти, я сообщу директору... что для тебя, оказывается, не писаны никакие школьные правила.

Кирилл остановился перед ней.

- Они для Антошки не писаны, - сказал он с ощущением полной и радостной правоты. - Разве есть правила, чтобы трехмесячного малыша морить голодом? Он, пожалуй, покажет правила... Разрешите, пожалуйста, пройти.

Ева Петровна хотела что-то сказать, открыла рот... и посторонилась.

Когда Кирилл был уже в коридоре, он услышал:

– За портфелем пусть явится отец.

Кирилл обернулся.

– Он бы и так пришел, если надо. Зачем портфель? Как выкуп, что ли?

– Вот именно! Для гарантии. Если я не дозвонюсь.

«Звони, звони», – сумрачно подумал Кирилл. Дома телефон не работал второй день: ремонтировали кабель, а на работе у отца недавно сменили номер.

Внизу, у самого выхода, Кирилл встретил Зою Алексеевну, которая учила его в младших классах. Он улыбнулся и приготовился сказать: «Здрасьте, Зоя Алексеевна». И вдруг увидел, что она смотрит на него странно. Без обычной улыбки.

– Кирюша... Что с тобой случилось?

Она смотрела так, словно у нее что-то сильно болело. Или не у нее? Кирилл вдруг отчетливо вспомнил, как в третьем классе, в весеннем походе, она с таким же лицом бинтовала Петьке Чиркову разбитый локоть.

– Что, Зоя Алексеевна? – спросил он, уже догадываясь и все-таки не веря.

– Мне Анна Викторовна рассказала... Кирюша, неужели это правда?

Кирилл быстро глянул ей в доброе, почти старушечье лицо и сразу опустил глаза. Переглотнул. Оказывается, спокойствие в нем было очень хрупкое. Как тонюсенькая стеклянная стенка. Сейчас лопнет эта стенка – и вся горечь, вся обида, накопившаяся в классе, рванется слезами. Как вода из разбитого аквариума.

«Зеленый павиан Джимми...»

Он поднял опять глаза, не побоялся, хотя они были уже мокрыми. Пускай! Зоя Алексеевна видала и не такое.

А она... Она, видимо, поняла этот взгляд совсем не так.

– Кирюша! Как же ты мог? Ты хотя бы признался? Если это первый раз, тебя простят.

Это было уже слишком, и зеленый Джимми не мог тут помочь. Кирилл закусил губу.

– Я признаюсь, – сказал он с трудом. – Сейчас... Вот в чем... Зоя Алексеевна, мы вам все на свете доверяли. Мы вас так любили...

Она закивала, глядя на Кирилла добрыми глазами.

– И я вас... – произнес он сипло. – Лучше вас никого для меня в школе не было.

Она все кивала и, видимо, чего-то ждала. Но Кирилл молчал.

– Вот видишь, – проговорила Зоя Алексеевна. – Вот видишь, Кирюша. А теперь...

– А теперь вы меня предали, – тихо сказал Кирилл.

И побежал к двери.

Глава 3

Про зеленого павиана Кирилл узнал от Деда. А с Дедом он познакомился зимой. Кирилл точно помнил, когда это случилось: двенадцатого февраля в пятьдесят пять минут второго. Если бы всерьез отвечать на вопрос Евы Петровны о Кирилле, «когда это началось», можно было бы твердо назвать дату и час.

Падал мягкий снег, который щекочет лицо и тает на губах, оставляя запах лыжни и зимнего леса. Зима шла к концу, но было похоже на Новый год.

Кирилл сидел в сквере напротив булочной и ждал, когда кончится перерыв. Раньше магазин работал по воскресеньям без перерыва, а сегодня – пожалуйста: закрыто на обед! Ждать надо целых пятнадцать минут.

Кирилл не двигался. Ему пришло в голову провести опыт: узнать, сильно ли заснежит человека, если он просидит неподвижно четверть часа. Может быть, поверх шапки вырастет снежная папаха, на коленях – белые подушки, а на плечах пышный воротник? И прохожие будут думать, что вот сидит мальчишка, замороженный снежной королевой...

Но просидеть так все пятнадцать минут Кириллу не удалось. Неожиданно он услышал сухой звук – будто наступили на пустой – спичечный коробок. Осторожно, чтобы не стряхнуть снег, Кирилл повернул голову.

Курчавый парень лет двадцати надел на объектив «Зенита» крышку, сдул с аппарата снежинки и неторопливо застегнул футляр. Потом встретился с Кириллом глазами и улыбнулся.

Он не понравился Кириллу. Близко сидящие темные глаза были какими-то чересчур острыми, пестрая поролоновая куртка – крикливо модной, а улыбка показалась высокомерной. К тому же Кирилл не любил тех, кто ходит зимой с открытой головой, считал это пижонством. А фотограф был без шапки, и снег запутывался в его черной кудрявой шевелюре.

– Зачем вы меня сфотографировали? – спросил Кирилл негромко, но довольно придирчивым тоном.

Курчавый фотограф еще раз улыбнулся и объяснил:

– Ты хорошо вписываешься в пейзаж. Кругом снег, и ты тоже заснеженный. Замороженный, будто в сказке.

Это показалось Кириллу совсем обидным: парень словно без спросу прочитал его мысли. Кирилл сказал:

– Значит, я деталь пейзажа... Вроде пенька или коряги...

– Да вовсе нет! – энергично запротестовал фотограф. – Пенек, он – мертвый. А человек оживляет пейзаж, смысл придает.

С этими словами парень подтащил к скамейке большую, нагруженную чем-то тяжелым сумку, смахнул снег и сел рядом с Кириллом. Не вплотную, но достаточно близко. Снежная сказка кончилась. Это еще больше раздосадовало Кирилла.

– А зачем вам моя фотография? – хмуро спросил он.

– Ну, мало ли... В альбом вклею. Может быть, на стену повешу. Буду смотреть...

– А что тут такого интересного? Смотреть...

– Каждый человек интересен, – серьезно сказал фотограф, – потому что каждый – представитель человечества.

«Представитель человечества» – это звучало солидно. Будь Кирилл помладше, он бы начал таять от удовольствия. И спросил бы: «Значит, я тоже представитель?» Но сейчас он на эту удочку не клюнул. Он сказал:

– Разве все представители человечества интересные? Бывают дураки всякие, бывают жулики и бандиты. И просто... нахальные.

– Такие, кто без спросу фотографирует, – серьезно откликнулся курчавый незнакомец. – Ну, я же не знал, что ты так... болезненно отнесешься. Что же теперь мне делать? Пленку засветить?

– Ладно, не надо, – небрежно сказал Кирилл и посмотрел на большие часы у входа в сквер. Было без двух минут два. Кирилл глянул на соседа. Вблизи тот выглядел старше и казался немного утомленным. Он достал сигарету, похлопал по карману, повернулся к Кириллу.

– Спичек нет, случайно?

Кириллу это опять не понравилось.

– Не курю, – ответил он. – Понимаете, бросил недавно. Печень, склероз и все такое...

Парень хмыкнул себе под нос. Объяснил:

– Я ведь сказал «случайно». Может, на сдачу дали...

Кирилл опять посмотрел на часы. Было ровно два, но магазин не открывался.

– «На сдачу», – буркнул Кирилл. – Где дадут сдачу, если закрыто?

Фотограф кивнул:

– Я тоже жду...

За стеклянной дверью магазина замаячила белая фигура, и дверь приоткрылась. Парень встал, сунул смятую сигарету в карман, подхватил свою громадную сумку с двумя длинными ручками и, перегнувшись на один бок, зашагал к булочной. Он заметно прихрамывал.

Кирилл подождал несколько секунд и пошел следом.

В магазине он сунул в авоську два батона и половинку украинского каравая, прихватил пирожок с повидлом, чтобы пожевать на ходу. Он почти забыл о курчавом незнакомце, но, когда вышел на улицу, увидел его снова.

В одной руке парень тащил полиэтиленовый пакет с батонами, в другой сумку, которая весила, наверно, килограммов двадцать. «Что в ней такое?» – машинально подумал Кирилл. Парень словно услышал его. Посмотрел и улыбнулся опять. Теперь это была другая улыбка: немного настороженная и виноватая какая-то. Парень словно просил: «Ты не смейся, пожалуйста, что я так неуклюже ковыляю со своей тяжестью...»

Кирилл не успел сразу отвести взгляд. А когда отвел, уходить было уже неловко. «Вот так всегда с тобой...» – обругал он себя. Подошел и сказал, глядя в землю:

- Дайте одну ручку... Вам далеко?

Парня звали Геннадием. Жил он в Заовражке - старом районе, где все улицы были похожи на деревенские. Весной там пышно цвела над косыми заборами черемуха, летом дороги зарастали мелкой травой, а зимой лежали вдоль улиц длинные сугробы и над заснеженными крышами стояли прямые столбы дыма.

От многоэтажных кварталов, где жил Кирилл, до Заовражка полчаса ходьбы. А если на автобусе - тоже полчаса, потому что автобус идет окружным путем, через большой мост. Этот мост построен над оврагом, в котором течет неглубокая речка Туринка. Недалеко от моста Туринка сливается с другой речкой, у которой громкое название - Ока...

Сначала Кирилл решил, что поможет нести сумку только до автобусной остановки. Потом пробурчал: «Да ладно, я не тороплюсь» - и поехал. И оказался наконец на улице Осипенко, у дома номер четырнадцать, перед калиткой со старинным железным кольцом.

- Вот и приехали. Заходи, - пригласил Геннадий.

Дом был большой, с застекленной верандой, выходившей во двор. Кирилл увидел старое, но уютное крыльцо. Однако Геннадий не пошел к этому крыльцу. Они с Кириллом потащили сумку дальше - к низкому бревенчатому сараю. Геннадий ногой толкнул дверь - и навстречу пахнуло теплым воздухом.

После улицы Кириллу показалось, что внутри жарко. Под потолком горела сильная лампа. В углу бодро гудела жестяная трехногая печурка. У длинного верстака несколько мальчишек возились с какими-то просверленными планками. А посреди сарая стояла на подставках из досок тяжелая черная шлюпка.

«Шестивесельный ял, - машинально определил Кирилл. - Как он сюда попал?»

У стены Кирилл увидел свежеструганную мачту. Она была не шлюпочная. Двусоставная, со стеньгой и решетчатой марсовой площадкой, она была копией мачты с крупного парусника.

Над верстаком висел чертеж, сделанный на голубой миллиметровке: та же шлюпка, но с кормовой надстройкой, узорчатой приставкой на носу – княвдигедом, с бушпритом, большой грот-мачтой, маленькой бизанью, с треугольниками носовых парусов.

«Ясно...» – подумал Кирилл, и сердце его стукнуло. Ясно было еще не все, но главное он уже понял.

Пятеро мальчишек обступили Геннадия.

– Ура, Дед краску притащил! Живем!

– И хлебушек! Чай поставим!

– Дед, а лак тоже привез?

Геннадий, охотно откликаясь на странное имя «Дед», сообщил:

– Все привез... Гостя привез. Он мне помогал сумку тащить. Не то что некоторые лодыри.

Раздался негодующий вопль. Оказывается, пока Дед, никого не предупредив и не позвав на помощь (сам виноват), ездил за краской, «лодыри» провернули массу работы: выточили кофель-планки, подогнали к бортам руслени, а Митька в это время доблестно шпаклевал коварные щели у ахтеркницы.

– Сдаюсь, сдаюсь, – сказал Дед. – Вы герои. Знакомьтесь с гостем, его зовут Кирилл.

Высокий веснушчатый паренек с серьезными глазами первый протянул руку и сказал, что его зовут Алик. Смуглого, похожего на кавказца мальчишку звали Валеркой, рослого белобрысого паренька лет четырнадцати – Саней. А еще было два Юры – Кнопов и Сергиенко. Они так и представились: по имени и фамилии. Видимо, чтобы Кирилл их отличил друг от друга. Отличить на первый взгляд было трудновато: оба коренастые, рыжеватые, улыбчивые и деловитые. Похожие, как братья. Кирилл сразу понял, что они крепкие друзья между собой.

В это время из шлюпки выбрался пацаненок лет семи или восьми, курчавый, как Дед Геннадий. В большом не по росту вязаном жилете, к которому прилипли опилки и стружки, в мятых коротеньких штанах и продранных на коленях колготках. Вся одежда мальчишки была густо уляпана коричневой краской. Нос, уши и щеки тоже были перемазаны.

Дед сказал:

– Эту беспризорную личность зовут Митька.

Митька серьезно протянул ладошку, но увидел, что она в краске, и вместо ладони подставил локоть. Все засмеялись, потому что локоть тоже был вымазан.

Только Кирилл не засмеялся. Он подержался за острый локоток мальчишки и поймал себя на мысли, что ему очень хочется набрать воздуха и дунуть на курчавую Митькину голову, чтобы застрявшие в волосах стружки разлетелись, как желтые бабочки.

Митька продолжал серьезно смотреть на Кирилла и неожиданно спросил:

– Ты видел привидения?

– Что? – растерялся Кирилл. Но потом среагировал: – Конечно. У нас дома их два. Одно совсем ручное – белое и пушистое, вроде кошки. За холодильником живет.

– Врешь, – разочарованно сказал Митька.

– Не вру. У него скоро детеныши будут, могу одного принести.

– А ты еще придешь?

Кирилл опустил глаза. Он знал, что придет. Он понял, что это судьба. Но, конечно, он не решился сразу спросить: «А можно мне с вами?»

На полу, под верстаком, сложены были кучкой деревянные, просверленные в трех местах кружочки величиной с блюдце для варенья. Один откатился и лежал у самых ног Кирилла. Кирилл поднял его. И сказал, слегка смущаясь:

- А чего это у вас юферсы по полу раскиданы? Разве лишние?

На него посмотрели сначала удивленно, а потом с улыбкой и пониманием. В сухопутном городе, где речки Ока и Туринка в самом глубоком месте были мальчишкам по пояс, едва ли нашлось бы десять человек, знающих, что деревянный блок для набивки стоячего такелажа называется «юферс».

Вечером Кирилл сказал отцу:

- Папа, я познакомился с твоим знакомым...

- Кто же это?

- Геннадий Кошкарев. Он у вас на заводе фотолабораторией заведует. Он говорит, что знает тебя. Ты ведь его тоже знаешь?

- Ну как же... Знакомы, - отозвался отец без особого, впрочем, восторга.

- А что? - встревожился Кирилл. - У вас, что ли, это... служебные трения, да?

Отец усмехнулся:

- Да нет, пожалуй... Характер у него тяжеловатый.

- Почему? - удивился Кирилл.

- Кто же знает? У каждого свой характер... Может, из-за несчастья. Он киносъёмкой увлекается, хотел после школы на кинооператора учиться, да попал под машину, ногу ему повредило. Говорят, почти год в больнице пролежал, а хромота все равно осталась... Впрочем, я это понаслышке знаю...

- Разве с хромотой нельзя быть оператором?

- Может, и нельзя. Оператор – профессия подвижная. А может быть, можно, да не сумел. Наверно, были причины... А снимает он хорошо. Талантливо.

- Сегодня меня на улице снял. Так и познакомились... Папа, он с ребятами парусник строит, под старину. Из шлюпки переделывает... Он меня в команду берет...

Отец оживился:

- Кошкарев судно строит? Вот не подумал бы! Я считал, что он весь в кинофотозаботах. Ай да Тамерлан!

- Почему Тамерлан?

- Так его иногда именуют. Помнишь, был хромой завоеватель – «Гроза Вселенной»?

- Помню. А Гена-то почему гроза?

- Он редактор «Комсомольского прожектора». И не приведи господь попасть под объектив с чем-нибудь таким... отрицательным. Недавно выпуск сделал про захламленность в цехах. Потом партком заседал...

- Ему попало? – встревожился Кирилл.

- Если бы ему... – с хмурой усмешкой сказал отец.

- Ну... значит, он справедливый выпуск сделал? – как можно деликатнее спросил Кирилл.

Отец вздохнул:

- Может, и справедливый... со своей точки зрения. Только ведь захламленность не от хорошей жизни была, есть масса причин... А впрочем, дело уже прошлое. Как говорится, все к лучшему.

– Ты на него злишься? – прямо спросил Кирилл.

Отец засмеялся.

– Мало ли на кого разозлишься в горячке... Ты что, уже влюбился в него?

Кирилл ответил уклончиво:

– Я в «Капитана Гранта» влюбился. Так парусник называется.

Отец серьезно сказал:

– Ты не сомневайся, Кошкарев – парень честный. Только вспыльчивый чересчур, сердитый.

Кириллу Дед вовсе не казался вспыльчивым и сердитым. Даже если ребята вместо дела устраивали возню, Дед не ругался и не покрикивал, а, только укоризненно смотрел и брался за работу сам. Словно говорил: «Ну вы как хотите, а я считаю, что мы собрались не дурака валять». Иногда это помогало.

После работы, когда все расходились, Кирилл, бывало, оставался с Дедом. Они гасили печку, чтобы не случилось ночью пожара, подбирали с пола забытые инструменты. Потом садились на скамью перед недостроенным корпусом парусника и молчали. Кирилл мысленно дорисовывал корабль: узорную кормовую надстройку, белую рубку с точеными перильцами, поднявшиеся мачты, ванты, паруса... Гафельный кеч «Капитан Грант» обещал быть красивым, как хорошая песня. Может быть, это неточное сравнение, но другого Кирилл не мог придумать. И когда Кирилл представлял, как вырастает корабль, он словно сочинял эту песню.

У Деда, видимо, были похожие мысли. Однажды он сказал:

– Еще зима, снег кругом, а ведь все равно будет лето. И поплывем... Вот закрою глаза – и сразу вижу, как паруса отражаются в синей воде...

Кирилл придвинулся к Деду и кивнул.

– А ты немногословен, мой юный друг, – сказал Дед. – В первый день ты мне показался как-то... ну...

Кирилл улыбнулся:

– Нахальнее, да?

Дед виновато развел руками. Кирилл сказал:

– Сам не знаю, что на меня тогда нашло... Вообще-то я довольно тихий и примерный, – добавил он с еле заметной насмешкой.

– Это в школе так говорят?

– Везде... Я до третьего класса вообще мало говорил, я заикался.

– Сейчас незаметно...

– Прошло... Я петь полюбил, тогда это и кончилось. Меня учительница Зоя Алексеевна к пению приучила.

– И сейчас поешь?

– В школьном хоре. Только мне там не нравится. Туда многих без всякого согласия посылают, это плохо. Зачем, если не хочется петь?

– Но тебе-то хочется?

Кирилл мотнул головой.

– Нет, мне там тоже не нравится. Руководитель новый появился, крикливый какой-то... И песенки все детские... Я бы ушел...

– А почему не уйдешь? Спорить не хочешь?

Дед спросил это без насмешки – серьезно и по-хорошему. Кирилл почувствовал, как защипало в глазах, и хмуро признался:

– У меня какое-то свойство дурацкое. Сам не знаю почему... Вот увижу что-нибудь несправедливое, начну спорить – и вдруг слезы.

Дед понимающе кивнул:

– Это бывает иногда...

– У меня не иногда, а каждый раз... Сейчас даже больше, чем раньше, – сердито сказал Кирилл и переглотнул. – Ты никому не говори... Может, я больной?

Дед засмеялся и положил свою ладонь Кириллу на затылок.

– Что ты, Кир... Твоей беде помочь совсем легко.

Кирилл удивленно поднял повлажневшие глаза.

Дед глянул в эти глаза и доверительно произнес:

– Как в горле заскребет, вспомни зеленого павиана Джимми.

– Какого павиана? – очень удивился Кирилл.

– Я же говорю: зеленого. Сразу представь себе зеленого павиана Джимми, и все пройдет... Это меня в детстве дядюшка научил. Здорово помогает, честное слово.

Кирилл помигал и неловко улыбнулся:

– Я... ладно, попробую. – И подумал: как жаль, что не знал про Джимми осенью. Про тот случай до сих пор стыдно вспоминать. Ева Петровна оставила весь класс после уроков за то, что будто бы безобразно вели себя в столовой и разбили два стакана. Свинство какое! Ведь ей сто раз объясняли, что никто не дурачился и не бил! Кирилл кипел, кипел внутри, потом встал и приготовился сказать, что

все это несправедливо и она не имеет права... А вместо слов получились всхлипы, и он разревелся, как дошкольница, у которой отобрали новый мячик.

Евица-красавица сказала:

– Векшин, ступай домой. Ты-то ни в чем не виноват, я знаю.

Кирилл схватил портфель и выскочил в коридор. Получилось, что ни за кого он не заступился, а только себе заработал прощение. Выревел! Это в двенадцать-то лет... Нет, зеленый павиан – это, кажется, неплохо (глаза, между прочим, высохли). В этом что-то есть.

Но тут же Кирилл встревожился:

– А Митька? Он разве не знает про павиана?

Дед снисходительно сказал:

– Митька если ревет, то от страха или от вредности. Здесь уж Джимми бессилён.

Глава 4

Митька был вертлявой личностью восьми с половиной лет: круглолицый, но щуплый, с черными быстрыми глазами и очень красными мокрыми губами – он их постоянно облизывал. Звали его чаще не просто Митька, а Митька-Маус. Вроде Микки-Мауса, знаменитого мышонка из мультфильмов. Но такое прозвище ему дали не за доблести, а за то, что он все время ходил с каким-нибудь хвостом. То за ним таскался обрывок веревки, то высовывалась из кармана длинная сетка-авоська, то шуршала по полу оторванная лямка штанов, то цеплял всех за ноги самодельный кнут, которым Митька-Маус любил что-нибудь сшибать: весной сосульки с карнизов, летом головки одуванчиков.

Митька-Маус чудовищно боялся привидений. Чтобы оправдать свои страхи, он всех уверял, что привидения на самом деле есть, и рассказывал, как с ними встречался. Эти жуткие истории потихоньку записывал Алик Ветлугин: он

сочинял фантастические романы и ему нужен был материал.

По вечерам Митька-Маус ни за что не соглашался оставаться один в комнате или мастерской, поднимал рев. Это доставляло Деду массу хлопот.

Была у Митьки еще одна черта, очень неудобная для Деда. Вездесущий Маус каждый день собирал на себя краски, сажу, ржавчину, пыль, мел и клей. Постоянной заботой Деда было отмывать Митьку по вечерам.

Чертыхаясь, Дед грел в баке для белья воду – зимой на плите, летом на костре посреди двора. Потом заталкивал двоюродного внука в старинное корыто, похожее на железный саркофаг, и драил несчастного Мауса суровой капроновой мочалкой. По комнате разлетались мыльные хлопья, радужные пузыри и Митькины вопли. Вопил Митька наполовину шутя, а наполовину всерьез, потому что жесткой мочалки и едучего мыла боялся лишь немного меньше, чем привидений.

– Не дергайся, подкидыш! – рычал Дед.

На «подкидыша» Митька не обижался. Он даже сам себя так иногда именовал.

Митькины родители – Генина племянница Надежда и ее муж Виктор – обитали в другой половине дома. Этот ветхий, но просторный дом остался от Гениной бабушки. Многочисленные родственники от такого наследства отказались, у них были квартиры, а у Геннадия и его племянницы своего жилья не было, и они позапрошлым летом вступили во владение старинной постройкой, в которой, безусловно, водились привидения и домовые.

Первый год жизнь в доме протекала безоблачно для всех, в том числе и для Митьки. Он лазил на захлащенный чердак (днем, конечно), зимой строил во дворе крепости, летом играл с приятелями в прятки – было где. И не подозревал, какие тучи собираются над его курчавой головой.

А Митькины папа и мама тем временем закончили геологический факультет и в сентябре должны были отправиться в экспедицию.

Родители Надежды и Виктора жили далеко, мама Геннадия часто болела и возиться с двоюродным правнуком не могла. Обалдевшего от неожиданной беды Митьку устроили в интернат.

Митька прожил в интернате четыре дня и все это время безутешно горевал о доме. На пятый день он сбежал.

Отец, мать и примчавшаяся следом воспитательница три часа уговаривали Митьку покориться судьбе. Митька сперва говорил «не...». Потом просто молчал, мертво вцепившись в рычаг на чугунной дверце у печки-голландки. Тащить Митьку в интернат вместе с печкой воспитательница отказалась и ушла, грохнув дверь. Митькина мама затравленно вздрогнула и убежала следом. Доведенный до полного отчаяния отец отстегнул от походного планшета ремешок и сложил вдвое.

- Ну и пусть, - шепотом сказал Митька. - Все равно не поеду.

Он не вырывался и не пытался защититься, но от крика удержаться не смог. Крик услышал со двора Геннадий. Он ворвался в комнату, взял в охапку папашу-геолога и швырнул в угол на стул. Затем сказал, что если еще раз узнает про такое дело, то заставит бездарного родителя сожрать этот ремешок вместе с защелками и кольцами.

Митькин отец посмотрел на Геннадия, на зареванного, встрепанного Митьку и едва не заревел сам. Он сообщил, что готов съесть дюжину ремней, и не таких, а флотских, вместе с пряжками, если ему скажут, что теперь делать. Менять профессию? Вернуть в институт дипломы? Повеситься? Сорвать экспедицию? Посадить Митьку в рюкзак и взять с собой? Или, может быть, благородный заступник сам готов полтора месяца нянчиться с ненаглядным двоюродным внуком?

Геннадий вышел из себя и сказал, что, черт с ними, готов. Потому что от таких родителей Митьке проку, что от вороны пенья.

Через день Надежда и Виктор уехали, а Дед сразу ощутил всю радость родительской должности: будить, кормить, отправлять в школу, приводить с продленки, проверять уроки и объясняться с учительницей по поводу грязных тетрадей, мятой формы и «вызывающего поведения».

А через неделю Митька заболел жестокой ангиной, и Дед не спал несколько ночей. Говорил потом, что боялся: вдруг уснет, а с Митькой случится что-нибудь страшное.

Ничего особенного не случилось. Несколько дней Митька не вставал, потом дело пошло на поправку.

По вечерам, чтобы Митька не скучал, Дед рассказывал ему сказку про Кота в сапогах. На новый лад. Кот фехтовал, как мушкетер, скакал на лошади, стрелял, как ковбой, воевал с хищными пришельцами из космоса и совершенно не боялся привидений, потому что их нет и быть не может.

Многосерийную сказку Митька слушал с величайшим наслаждением, но привидений все равно боялся. И если Дед Геннадий допоздна печатал снимки или проявлял киноплёнки, Митька устраивался спать в комнате-лаборатории на узком диванчике, изготовленном в середине девятнадцатого века.

Дед прощал Митьке его слабости. Если человека любишь, ему многое прощаешь. К тому же у Митьки были и хорошие качества. Он умел работать. Когда надо было законопатить и зашпаклевать щели в самых недоступных уголках шлюпки, посылали вертлявого Мауса. И если он разбивал макушку, ползая под палубой, то не пищал и не боялся йода.

Кроме того, именно Митька набрал для «Капитана Гранта» работников и матросов.

Когда Геннадий Кошкарев отыскал на берегу Андреевского озера старую шлюпку и решил, что пришла пора осуществить давнюю мечту – построить маленький, но настоящий корабль, ему обещали помощь два взрослых приятеля. С ними Дед и перевез шлюпку в город. Это было в конце прошлого лета. Осенью же один приятель начал писать кандидатскую диссертацию, а второй женился, и жена убедила его, что возиться с кораблями не солидно.

Тогда и пришел на выручку Митька. Через своих приятелей он узнал, где в округе есть люди, неравнодушные к парусам. Привел сначала деловитого Саню Матюхина, потом Алика Ветлугина и Валерку Карпова, выгнанных за случайные школьные двойки из кружка судомоделистов при домоуправлении (правда, там

они строили модели катеров и понятия не имели, чем шхуна отличается от фрегата). От Алика узнали про корабль неразлучные Юрки...

И дело пошло, потому что мальчишки попались дружные, диссертации и женитьбы им не грозили, а, строительство двухмачтового крейсерского парусника они считали вполне серьезной работой, не игрушками.

Только один раз Кирилл видел, как Дед всерьез рассердился на Митьку-Мауса. Это было в середине июня. «Капитан Грант», уже с надстройками и рубкой, почти готовый к спуску, стоял во дворе. Рядом лежали грот-мачта и бизань-мачта с надетыми вантами. Юрки на третий раз красили черной эмалью борта, Алик и Валерка привинчивали к белой рубке длинные иллюминаторы из оргстекла. Кирилл, Саня и Дед расстелили на траве главный парус – грот – и суровыми нитками обметывали в парусине специальные отверстия – люверсы.

Митька сидел под высокой кормой, украшенной точеным узором, и покрывал оранжевой краской спасательный круг, который Дед хитрым путем раздобыл через завком. Красил, конечно, не только круг, но и себя.

Насмешливый Валерка покосился на Митьку и громко сказал:

– Опять будет Деду вечером работа – Мауса отскребать.

Митька сообщил, что, если Валерка не умолкнет, отскребать придется их двоих. Причем Валерку больше.

– Не догонишь, – сказал Валерка. – Ты все равно к краске прилип, не отклеишься.

Митька-Маус вскочил и с грозным кличем помчался к ехидному Валерке. Тот пустился через двор. Митька запнулся за Дедовы ноги и полетел на парус. Он успел по-кошачьи извернуться в воздухе, упал не на парусину, а рядом, но правой рукой все же врезался в верхнюю часть грота. И отпечатал свою ладонь.

Вот тут-то Дед помянул всех морских и сухопутных чертей, обозвал Мауса балбесом и разгильдяем и мрачно посоветовал ему собирать чемоданчик, чтобы ехать в пионерский лагерь. В этот лагерь Митьку активно пытались сплавить родители.

Митька молчал и отчаянными глазами смотрел на черное дело своих рук. Точнее, на оранжевое дело. Потом тихонько заревел.

Сначала все ужасно опечалились. Масляную краску до конца не отскрести и не отстирать, значит, нужна заплатка, да еще с двух сторон: оранжевая лапа Мауса проступила сквозь парусину.

И вдруг Кириллу пришла в голову счастливая мысль:

– Слушайте, а ведь у яхт всегда есть знаки на парусах! Всякие эмблемы! Пускай у нас будет знак руки.

– В честь чего это? – хмуро спросил Дед. – В честь этого обормота?

Но было уже ясно, что мысль подходящая.

– Это будет означать, что мы все сделали своими руками, – разъяснил Алик Ветлугин.

Они в самом деле почти все сделали сами, если не считать дырявого старого корпуса шлюпки. Но и его пришлось приводить в порядок: менять доски обшивки, обдирать, олифить, шпаклевать, шкурить, красить... И паруса выкраивали сами, только сшивать на машинке помогала Митькина мама, которую ребята почтительно называли Надеждой Николаевной. А сам Митька добросовестно исколол иглой все пальцы, пришивая к парусным кромкам пеньковую веревку – ликтрос. И, вспомнив про это, все решили, что будет даже справедливо, если Митькина ладонь навеки останется на парусине.

Дед проворчал, что только чудо спасло бестолкового Мауса от ссылки в лагерь «Веселые Ключи». Все понимали, что угроза была липовая, но торжественно поздравили Митьку. Потом Дед поаккуратнее прорисовал на парусине Митькину ладошку, обвел ее оранжевым кругом, а к этому кругу присоединил острые лучи.

Получилась ладонь в солнышке. Так и появилась эмблема «Капитана Гранта».

В тот вечер с делами управились поздно, и Дед сказал:

– Кир, ночуй у меня. Завтра с утра опять работа.

Кирилл сбегал к автомату и позвонил домой. Мама разрешила: у Векшиных гостила бабушка, она вместе с мамой нянчилась с Антошкой, и без помощи Кирилла могли обойтись.

Остальные позавидовали: им тоже хотелось ночевать у Деда. Кроме Кирилла все жили близко, поэтому быстренько сгоняли домой и отпросились.

Улеглись в сарае, где недавно стоял «Капитан Грант». Дед притащил кучу старых пальто и одеял. Устроили постели и думали, что будет веселая ночь с болтовней, страшными рассказами и шутками.

Но утомление сразу дало себя знать. Алик успел рассказать только одну короткую историю про сиреневых марсиан и засопел в начале второй. Остальные тоже притихли.

Кирилл не спал. Усталость ровно гудела в каждой жилке. Горели от солнца плечи, тихонько ныли исколотые пальцы, но это было не страшно и даже приятно. Пахло сухой травой, теплым деревом и краской. Тихонько посвистывал носом отмытый Митька. В полуоткрытой двери светилось закатное небо. Кирилл слышал, как во дворе возится с железным корытом Дед. Потом к нему подошла Надежда Николаевна.

– Улеглись морские волки? – спросила она.

– Спят уже. Умотались.

– А Митя как?

Кирилл услышал, что Дед усмехнулся:

– Как всегда: носом в коленки и досапывает.

– Спасибо тебе за Митю, Гена.

– Да ну, что ты... – растерянно откликнулся Дед. Помолчал и вдруг сказал: – Это тебе спасибо, Надюша.

– Господи, мне-то за что?

– Да вот так... Лучше мне с ним. Теплее, что ли...

– Теплее... Зато и хлопот сколько... Безалаберный он.

– Митька как Митька. Он боевой. Видишь, помог мне экипаж набрать.

Надежда Николаевна тихонько засмеялась:

– Мало тебе одного хулигана...

Дед, кажется, тоже засмеялся. Потом сказал немного удивленно:

– Никогда не думал, что с ребятами свяжусь. Еще в школе комсомольское поручение давали вожатым быть у пятиклассников, так я как от чумы... Хоть режьте, говорю, а не буду. А теперь вон целое семейство.

Надежда Николаевна вздохнула и тихо (Кирилл еле расслышал) сказала:

– Своего тебе надо, Гена.

Дед промолчал и так же тихо ответил:

– Чего теперь об этом...

– Никак не пойму, что у вас получилось с Катей... Она же тебя любила.

– Жалела, – хмуро сказал Дед.

– Жалость без любви не бывает. Если и жалела, что плохого? Почему говорят, что жалость – это обязательно обидно?

- Да она себя жалела. И гордилась... Такая великодушная: за калеку вышла.

- Генка, да ты дурак! - как-то по-девчоночь, тонким голосом воскликнула Митькина мама. - Ты же все сам придумал! Ну, что такого страшного с твоей ногой!

- Да я не про ногу, а вообще... Про неудачи. Она думала, что из меня знаменитый кинематографист получится, а все не так...

- А ты не мучайся. Все у тебя еще впереди.

- А я и не мучаюсь, - сказал Дед. - Это с виду у меня жизнь сейчас растрепанная, а на душе спокойно, честное слово... Видно, сам не знаешь, где чего найдешь. Ну, вот кто поверит, что может быть такая радость: ходить в темноте между мальчишками, слушать, как дышат, укрывать получше...

- Я поверю.

- Ты сказала: своего надо. Конечно... Только знаешь, этих я бы все равно не оставил. Сперва думал: просто работники, экипаж, чтобы с кораблем управляться. А вышло, что главное не корабль, а они.

- Хорошие ребята, - согласилась Надежда Николаевна. - Славные... Только вот этот, тощенький такой, светлоголовый... Кирилл, да? Непонятный какой-то.

- А что непонятного? - настороженно спросил Дед.

- Не знаю. Диковатый, что ли... И немного беспризорный.

- Просто он стеснительный. А что касается беспризорности, то все они охломоны.

- Все - это другое дело. А у него отец на большом посту, важная фигура. Казалось бы, мальчик из такой семьи... Как-то поинтеллигентнее должен выглядеть...

Дед засмеялся:

– Ты приглядишься. Дело ведь не в растрепанной голове. Он иногда таким аристократом может быть...

«Мамочки! Это я-то?» – простонал про себя Кирилл.

А Дед, помолчав, добавил:

– Нет, Кир хороший. Он мой друг.

Кирилл благодарно улыбнулся в темноте, вздохнул тихонько и начал засыпать.

До того вечера Кирилл никогда не думал, что отец у него «важная фигура». Он понимал, конечно, что у отца сложная и большая работа – главный инженер завода отвечает за все производство, – но при чем здесь важность.

«Важная фигура» – это звучало как «большой чин». Жили Векшины совсем не роскошно, в малогабаритной квартире, дорогими подарками Кирилла не баловали, если не считать велосипеда (но это было потом). Порой бывало трудновато с деньгами, особенно когда родился Антошка и мама уволилась, а расходов прибавилось.

Внешность Петра Евгеньевича Векшина тоже не отличалась солидностью и важностью. Он был невысокий, лысый, с круглым животиком, да и весь какой-то кругловатый. Когда волновался или хотел что-то доказать, начинал мелкими шажками быстро ходить по комнате, заталкивая большие пальцы за подтяжки на плечах, и оттягивал тугие резиновые полоски вверх. Слово старался приподнять себя над полом.

Кирилл не огорчился, что у отца не героический вид. Он просто не представлял, что папа мог бы выглядеть иначе. К тому же Кирилл знал, что в молодости папа служил на границе, да еще был перворядником по стрельбе и лыжам. Согласитесь, что это не хуже, чем геркулесовы плечи или мушкетерские усы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/krapivin_vladislav/kolybel-naya-dlya-brata

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)